

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1890.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

Осенью прошлаго 1889 года при рытьѣ погреба однимъ изъ крестьянъ Гребенскаго выселка была сдѣлана находка, при помощи которой возможно приблизительное опредѣленіе эпохи погребеній съ полнымъ костякомъ. Упомянутый крестьянинъ на глубинѣ 6 четвертей отрылъ костякъ и при немъ двѣ мѣдныя монеты, которыя оказались: 1) болгарскимъ фельсомъ съ именемъ Энъ-Насиръ-Лиднъ-Аллаха, 2) подобнымъ же, перечеканеннымъ — именемъ Менгу, каана верховнаго.

Обѣ монеты весьма обыкновенны, довольно часто находятся въ Булгарѣ, и могли бы свидѣтельствовать вполне точно о томъ, что погребеніе относится ко второй половинѣ XIII столѣтія, если бы находка монетъ при костякѣ не была случаемъ исключительнымъ. Оба фельса не пробиты и слѣдовательно не служили украшеніемъ. Они могли быть обронены при насыпаніи кургана, могли находиться и раньше погребенія въ землѣ, употребленной для образованія могильнаго холма.

При существованіи въ данной мѣстности иноподобныхъ поселеній въ недавнее сравнительно время — языческій образъ погребенія самъ по себѣ не можетъ еще служить признакомъ древности въ нѣсколько столѣтій.

Не дѣлая никакихъ рѣшительныхъ выводовъ, я съ своей стороны только заявляю сообщенный мнѣ фактъ, повтореніе котораго однако можетъ послужить къ точному хронологическому опредѣленію времени дѣлаго ряда поселеній въ окрестностяхъ древняго Булгара.

Н. Лихачевъ.

Примѣръ острословія сартовъ.

Туземные жители Туркестанскаго края весьма часто перепланиваютъ непривычныя для ихъ слуха чужеземныя слова; не сумѣвъ по первому разу правильно произнести какое-нибудь русское слово, они передѣлываютъ его звуковой составъ по законамъ своей фонетикѣ, а затѣмъ, чтобы сродниться съ новымъ и непонятнымъ для нихъ словомъ, они растолковываютъ уже переиначенную форму съ точки зрѣнія своего языка. Такъ, фамилію генерала Черняева они усвоили себѣ въ формѣ «Ширнаибъ», а затѣмъ, придавъ этой формѣ значеніе «Намѣстника, представителя льва» (*Ширънаибъ* شیر نایبъ) въ смыслѣ человѣка, подобнаго льву своей неустрашимостію, храбростію и силой. Съ появленіемъ въ Туркестанскомъ краѣ

должности *Прокурора*, сарты произнесли это слово «*Бр-кураръ*», а въ виду обязанности прокурора и значенія его власти, онъ объяснилъ свою форму «*Бр-кураръ*» какъ названіе такого должностнаго лица, которое «разъ только взглянетъ и рѣшитъ дѣло», т. е. «*биръ кураръ*» *بر کورار*. При генералъ-губернаторѣ Туркестанскаго края М. Г. Черняевѣ старшимъ помощникомъ начальника гор. Ташкента былъ ташкентскій сартъ Надыръ-Мухаммадъ. Онъ былъ грозой для ташкентскихъ сартовъ и пользовался на первыхъ порахъ большимъ вниманіемъ генерала Черняева. Похваляясь своимъ служебнымъ положеніемъ, онъ говорилъ: теперь генералъ-губернаторъ — *Ширнаитъ*; онъ *Ширъ*, а я *Наибъ* его, а такъ какъ онъ *Губурнатыръ*, то мнѣ, какъ его помощнику, слѣдуетъ половина его власти: онъ самъ *Губуръ* (*غور*), т. е. пребывающій, остающійся въ своемъ положеніи, а я — *Надыръ* (*نادی*) (собств. имя), т. е. рѣдкостный помощникъ его.

Слово «Генералъ» туземцы до послѣдняго времени произносятъ «*Джандаралъ*», а первоначально мѣстные грамотѣи произносили это слово «*Джандарали*» и объясняли значеніе его какъ «Высшаго стража» *جاندار علی* въ смыслѣ главнаго, старшаго начальника.

Было бы любопытно собрать и другіе подобныя примѣры.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ, Апрель 1890.

Юморъ персидско-индійскій.

Мы имѣли уже случай на страницахъ этихъ Записокъ (I, 316) дать «образчикъ персидскаго юмора» изъ нашего сборника народныхъ персидскихъ пѣсень и тогда же выразили сожалѣніе, что «перлъ этотъ — единственный».

Теперь мы можемъ прибавить еще нѣсколько столь же милыхъ строкъ того же пошиба и достоинства, которыя идутъ однако изъ Индіи и намъ попались на глаза при чтеніи индійской *тезжеръ* подъ заглавіемъ *روز روشن*, изд. въ 1297 г. Г. Онѣ приписываются на стр. 144 нѣкому Джафару-шутнику, о которомъ только и извѣстно, что онъ пропсходилъ изъ окрестностей Дехли. Устамп сего Джафара индійскій герой возглашаетъ о себѣ такъ: